

«Я совершенно не оптимист»

0 повороте государства к закручиванию гаек

У нас в стране есть один человек, который может запретить Facebook, Twitter, «ВКонтакте» и Google. Такой человек, слава Богу, один. Если бы их было много, все давно было бы запрещено. Но поскольку без разрешения Владимира Путина такие конкретные одиозные шаги предприняты быть не могут, то все ждут отмашки. И ждут ее уже пять лет – с тех пор как Путин передумал.

У него была совершенно четкая концепция Интернета как места, где люди выпускают пар. Ради Бога! Нам интересно телевидение, нам интересно радио, интересно управление массами через прессу. А в Интернете пусть творится все что угодно. Это Путин говорил лично мне. У него была такая концепция, и она просуществовала 13 лет.

Концепция изменилась под воздействием «арабской весны» и под влиянием советников, корыстно заинтересованных в поставке определенного рода аппаратуры для слежки за гражданами. Так сложилось представление о том, что Интернет – это угроза, оттуда приходят «цветные революции», там оппозиция, «пятая колонна» и так далее.

С этого момента была дана отмашка: Интернет в России ограничить. Благодаря всем этим ограничительным мерам, в России на сегодня практически уничтожена IT-отрасль, обесценены ведущие российские интернет-холдинги. Молодые люди, мечтавшие попасть на работу в «Яндекс», сегодня просто отсылают резюме за границу. Происходит утечка мозгов, полная стагнация на IT-рынке, инвестиционная активность сегодня ниже плинтуса.

0 российской модели регулирования Интернета

Такое «тушение» русского Интернета – это совсем не китайская модель. Китайская модель ограничивает доступ иностранных компаний на национальный рынок ради усиления местных китайских игроков, таких как Baidu и Alibaba. Китайцы достигли великих успехов по выращиванию своей собственной индустрии.

Российская цензура действует против собственной индустрии, борется против «Яндекса» и «ВКонтакте». Так что это не китайская модель. Это модель туркменско-корейская. Просто пока нет отмашки на совсем уже радикальные меры. Но они будут отрезать по пальцу, вводить ограничения то тут, то там: том второй, том третий, том четвертый. Постепенно, потихонечку, но последовательно.

Об эффектах и последствиях ограничений

У них много всего на повестке. Например, фильтры, предусмотренные 139-ФЗ все до одного не работают. Как сделать, чтобы они работали? Нужно ввести ответственность за пользование, например, анонимайзером – технически его использование невозможно отследить. Как в 2013 году нам сказали, что примут такой закон, так до сих пор и не придумали, как он мог бы быть сформулирован (*законопроект об анонимайзерах был принят Госдумой в первом чтении 23 июня – прим. ред.*).

Тем не менее, гайки закручиваются. Эффекты закручивания гаек уже хорошо видны. Люди ведь не дураки, они все поняли. Где нынче Волож F 85, где нынче Дуров F 100 и так далее? Все уже более или менее разобрались, что бизнес, который настолько зависит от дурацких цензурных законов, – это выживание на вулкане.

Это все было написано в проспектах для инвесторов, когда те же «Яндекс» и Mail.ru выходили на международные рынки и биржи. В главе «Риски» было написано черным по белому, что непредсказуемое российское законодательство может объявить вне закона абсолютно любую часть бизнеса.

Это было предсказано пять лет назад. И вот уже пять лет это активно происходит. Я особо не смотрю вперед, потому что мы просто катимся по наклонной плоскости. И не остановимся на некоей приемлемой цензурной модели, ее нам просто неоткуда взять. Если говорить о Белоруссии и Казахстане, то их цензурная модель не привела к появлению собственных сильных интернет-компаний – и так-то пустая почва еще и была вся вытоптана.

А у нас есть своя мощная отрасль IT, которая развивалась в те годы, когда интернет-цензуры не существовало, и успела дойти до международных бирж, до NASDAQ, до Лондонской биржи.

Mail.Ru Group, «Яндекс» – вот то, что у нас есть. Значит, все это надо как-то придушить – такая логика. Что, собственно, и происходит.

0 внутренней мотивации административных запретов

Придумываются разные идеи, но главный вектор такой: «Интернет мешает» как таковой. Потому что в их глазах это непредсказуемая среда.

И запрещать в этой логике надо, конечно, не Facebook. То есть, Facebook-то надо запрещать, но это не решение проблемы. Решение проблемы – запретить «ВКонтакте», Mail.ru, «Одноклассников». Под запрет попадает сам факт, что люди между собой самостоятельно общаются. Ну, чтобы было как в Советском Союзе. В Советском Союзе Интернет был бы невозможен. Не из-за того, что Запад пролезет. А из-за того, что горизонтальные связи между людьми мешают монополии власти на идеологию, на информацию и на мнение. В такой среде Интернет лишний.

Но политической воли установить эту модель сразу и целиком нет. Все происходит тихо, пошагово. Люди, которые смотрят на это в течение пяти лет, давным-давно с этого рынка свалили и сосредоточились на зарабатывании твердой валюты. Благо интернет-услуги достаточно интернациональны.

Такие явления как Telegram, например, – это прямое следствие выдавливания из страны. А выдавили Дурова за отказ закрывать сообщество Навального «ВКонтакте». Вот «Живой журнал» согласился заблокировать блог Навального, и «ЖЖ» не выдавливают. А Дуров отказался. Telegram он создал уже там, сейчас у него 200 миллионов пользователей, проект втрое больше, чем «ВКонтакте». Он создал его там, потому что у них можно, а здесь нельзя.

0 том, какой бизнес еще возможен в русском Интернете

Как инвестиционный консультант, я не могу посоветовать инвестировать в какую-нибудь активность в рунете, кроме выкачивания отсюда мозгов за границу. Ну, или в работу на аутсорсинге, когда здешние мозги обслуживают зарубежные задачи. Благодаря тому, что рубль дешевый, у нас людей можно нанять дешево. Это весь интернет-бизнес, который нам остался. Это то, чем занимаются африканские страны, бедные азиатские страны: «Если ты достаточно умный, тебя наймут за границей, других вариантов нет». Такая же ситуация складывается у нас.

Но я прекрасно помню, как в один день в 2011 году 300 сотрудников «Яндекса» стали миллионерами. «Яндекс» провел IPO, а у них были опционы. После Крыма «Яндекс» с \$45 дошел до \$10 за акцию. И все эти опционы перестали чего-нибудь стоить. Сегодня «Яндекс» стоит тот же \$21, что он стоил в день своего выхода на IPO. Это означает, что за шесть лет люди, державшие свои деньги в акциях «Яндекса», выиграли ноль.

Цензурой стерты практически все экономические достижения самой конкурентоспособной на мировом рынке российской отрасли. Просто из-за того, что эта отрасль вторглась в сферу государственной монополии на идеологию.

0 потенциале конфликта молодежи с властью

Сегодня русский Интернет – выжженная земля. Но для российской молодежи эта выжженная земля в гораздо большей степени их родина, чем «оффлайновая Россия». Вся жизнь проходит там: там

все кино, которое они смотрят, вся музыка, которую они слушают, все друзья, с которыми они разговаривают.

И вот молодежь пять лет наблюдает за тем, как их «родину» вытаптывают какие-то «козлы», принимая запреты один за одним. Запреты бессмысленные, вся молодежь умеет обходить эти запреты. Но они видят злобных кретинов, которые со своими одиозными хотелками лезут в их круг, в их цифровую свободу.

Это формирует отношение молодежи к власти. Проблема у молодежи с этой властью – это результат пяти лет подобного поведения власти в Интернете. Молодежь столкнулась с тем, как работает государство – оно не создало в Интернете ни одного полезного сервиса, но оно выгнало Дурова и Воложа, загнало «Ленту.ру», выбросило из «Яндекс.Новостей» источники, которые не соответствуют линии партии.

Негативная реакция молодежи на власть – закономерный ответ на поведение власти там, где молодежь может ее видеть. Видит она ее не когда открывает фирму, и начинаются с этой фирмы поборы, это не актуальная для молодежи история. И «Платон» – не актуальная для молодежи история. А вот запреты в Интернете – актуальная. И молодежь делает вывод о том, что власть – это тупая и бессмысленная машина подавления людей.

Соответственно, когда молодежь приглашают показать этой власти средний палец, она радостно выходит и показывает его.

0 возможности кратковременной оттепели

Давайте поставим себя на место новой администрации президента. Перед ними руина русского Интернета, «задушенного» законами о забвении, поисковых агрегаторах, ограничении иностранного владения, фильтрации, хранении данных и так далее.

Хотят ли «методологи и нооскописты», пришедшие в АП, продолжать курс на отчуждение молодежи? Думаю, они сейчас ломают над этим голову: продолжать ли эту бездарную политику или, может быть, каким-то образом ее дезавуировать.

И у них есть сейчас для этого очень хороший повод. Потому что в условном путинском «кондуите» прописано, что перед президентскими выборами происходит демократизация и либерализация. Так было в 2011 году – Путин писал статьи об электронной демократии и говорил, что не надо кошмарить бизнес. Перед выборами Путин должен показывать человеческое лицо.

Очень может быть, что до выборов 2018 года никакого закручивания гаек в Интернете мы не увидим. Люди здравомыслящие, они же знают, что эта политика не дает результатов. Принимаются законы, которые не работают на ограничение Интернета, они работают на понимание людей, что законы принимают идиоты. И в общем, если они захотят под шумок президентских выборов изменить курс, я абсолютно не удивлюсь этому и буду этому рад. Но действительно ли закрыт курс на подавление Интернета, мы узнаем, как только выборы закончатся.

Я жду, что в предвыборный и выборный год все эти «милоновские» варианты будут гасить и отмежевываться от них. Третий пакет Яровой, если и будут принимать, то после выборов 2018 года, а не до.

Я не Кириенко, не принимаю решений. Но мне кажется, что в их ситуации продолжать политику предшественника, зная о ее результатах, бессмысленно и контрпродуктивно. Любой разумный человек задумался бы, а как иначе можно вести себя с людьми, которым важен Интернет. Не дубину показывать им каждое утро, а показать им, что ты не идиот, что какие-то есть вещи в Интернете, к которым ты относишься терпимо. Даже «новый» Путин, уже одоббивший «китайскую модель», когда его спрашивают про цензуру, все время подчеркивает, что есть вещи, которые можно делать: что разрешено по закону, все можно.

Месседж «мы не запрещаем Интернет» существует. Он не очень сильный, потому что в текущей логике они должны стремиться к запрещению Интернета. Но явно у них внутри головы есть ограничения на то, сколько запретительных мер они могут

направить против нас за единицу времени.

Я совершенно не оптимист, но я могу предположить, что до президентских выборов у нас будет затишье в цензурном плане.